

ГЛАВА IX. О моральном влиянии революции.

Революция, следовательно, будет переходным периодом, за которым наступит полная реализация нашего идеала. Она, действительно, будет таковым в том смысле, что разовьет умственно индивидуумов и научит их уметь быть свободными.

Впрочем, здесь мы должны сделать небольшое отступление.

«Зачем заботиться о том, что будет завтра», — говорят нам некоторые из революционеров — «у нас достаточно дела вести борьбу против существующего строя, и некогда думать о том, что будет дальше; нельзя терять время в мечтаниях о разных утопиях, когда настоящее требует наших сил. Сперва справимся с существующим строем, а затем уже, когда он будет свержен, подумаем о том, что делать дальше».

Тоже самое повторяют и некоторые анархисты, находя, что обсуждать будущее, значит напрасно терять время.

Но мы считаем дискуссии о будущем полезными и именно по следующей причине: все прошлые революции потому кончались неудачей, что восставшие умели только драться, относительно же организаций будущих социальных отношений и нового порядка вещей вполне полагались на своих вождей. Рабочим никогда не удавалось воспользоваться плодами победы именно потому, что стремления их всегда бывали неопределенными и туманными.

Большинство заботилось только о нуждах данного момента борьбы и ограничивалось тем, что дралось, служило пушечным мясом, а думать предоставляло другим. Конечно, идеал, стремления, цель были ясны для них: свобода, всеобщее счастье... все, как понимаем и мы, но в какой форме должна притти свобода, об этом они не думали. Им говорено было о какой-то республике, которая освободит их, о каком-то социализме, не совсем понятном, но сулящем все блага земные, и этого было достаточно: рабочие дрались за эту республику, которая должна была принести на землю счастье, и предоставляли «посвященным», «знающим» устраивать после борьбы их свободу и благоденствие; они терпеливо переносили нищету и ждали месяцы и годы, чтобы дать возможность тем придумать что-либо совсем подходящее, и когда, наконец, выведенные из себя страданиями, лишениями и нуждой, они теряли терпение и требовали исполнения обещаний, им отвечали пулями и огнем!

Для того, чтобы это больше не повторялось, и чтобы на рабочих на другой день после революции не надевались цепи, сброшенные ими накануне, нужно, чтобы рабочие, когда

опять прибегнут к силе, ради завоевания своих прав, знали, чего они хотят; нужно чтобы они знали, какие из современных учреждений больше всего им вредят, и что бы не давали себя обманывать, а умели, не полагаясь ни на каких руководителей, сами покончить навсегда со всем тем, что подлежит уничтожению.

Легко, правда, сказать: «Не будем заботиться о том, что произойдет завтра; у каждого дня — своя забота; займемся сначала устранением того, что нам мешает, а там посмотрим, что будет». Нам понятно нетерпение, с каким люди стремятся выбраться из грязи, в которой увязло человечество, но если мы хотим, чтобы истины, проповедуемые нами, были понятны тем, кого желаем убедить, нужно, чтобы они имели ясное представление об этих истинах, как относительно настоящего, так и относительно будущего времени.

Так как революции совершаются только идейным путем, то мы хотим очистить почву, на которой нам придется сражаться, и устранить с дороги все преграды: предрассудки, загораживающие нам путь. Люди только тогда будут уметь обходиться без руководителей, когда убеждения в них будут твердо основаны на рассудке.

Нельзя вести за собою массы словами; нельзя под названием: свобода, социализм преподносить им всевозможные регрессивные системы. Конечно, нет возможности, чтобы каждый индивидуум был просвещен по всем пунктам и во всех деталях, ибо события могут захватить нас врасплох, прежде чем это будет достигнуто, да этого впрочем и не нужно; пусть только у каждого будет ясное понимание своей индивидуальности; пусть каждый знает, что его индивидуальность будет признана только тогда, когда он будет признавать чужие индивидуальности; в остальном им будут руководить обстоятельства.

Индивидуумы должны, кроме того, знать, что в их деятельности должно остаться неизменным, и чему они должны препятствовать возродиться, для того, чтобы победа была обеспечена. Дело идет хорошо, когда знаешь, чего хочешь.

Конечно, нужно бороться с современным строем со всей энергией, но борьбу эту нужно понимать шире, исследовать ее всесторонне и тогда окажется, что работа найдется для всех людей с доброй волей.

Чтобы произвести переворот, о котором мы говорим, понадобятся силы и самоотверженность всех, безразлично в какой форме, лишь бы они были направлены к выяснению истины и уничтожению предрассудка. Каждый по своим силам! Разделение труда, в данном случае, открывая простор инициативе каждого, поможет нам ниспровергнуть угнетающие нас учреждения, ибо даст возможность вести против них атаку одновременно со всех сторон.

Социалисты говорят нам: Без какого-либо правительства вы не сможете помешать фабрикантам, землевладельцам, собственникам и прочим капиталистам сделать контр-революцию и вернуть себе власть.

Они не делали бы нам столь жалкого возражения, если бы задали себе труд подумать о том, сколько энергий будет потрачено на победу социальной революции, и если бы помнили, что силу буржуазии составляют современные учреждения пролетариата, в соединении с

невежеством и разрозненностью, каковые исчезнут, раз восторжествует революция. Если буржуазия при всей её огромной силе не сумеет, как предполагается, победить народ, то тем более не найдет в себе силы разрушить новый строй и восстановить старый, основанный на эксплуатации, порядок вещей.

Предположить, что рабочие дадут себя распропагандировать буржуазией и согласятся возвратиться под ее иго, это значит предположить, что революция не принесет тех улучшений, которых они ожидают, и что надежды, возлагаемые ими на революцию, окажутся обманутыми в полном объеме.

Капиталисты, будучи предоставлены сами себе, не сумеют отстоять своей эксплуататорской системы: им нужны армия, полиция и бюрократия, которые поставляются пролетариатом; задача революции — уничтожить все это: ведь и в настоящее время уже большинство защитников буржуазного строя является таковыми, вопреки своей воле.

В обществе, в котором индивидуумам будет предоставлено свободно эволюционировать, без каких-либо стеснений и при полном удовлетворении всех потребностей, не найдется охотников идти служить буржуазии, не могущей обещать более того что они в состоянии достать себе без неё.

Произойдет одно из двух: либо буржуазные учреждения исчезнут, и тогда рабочие поймут, что новый режим — благо и сумеют защитить его; либо буржуазия окажется сильнее, но тогда и революция не будет окончена: нужно будет продолжать бороться, и борьба должна будет быть делом восставших рабочих, а не какого-нибудь правительства.

Наличность организованного правительства угрожала бы еще большей опасностью, а именно: ретроградные элементы могли бы хитростью или насилием завладеть им и распорядиться коллективными силами против народа, чего следует как нельзя больше бояться.

Конечно, рабочие никогда добровольно не вернутся под ярмо; точно также всегда революция будет делом сознательного меньшинства, которое силою убеждения и примером увлечет за собою массы; массы будут постепенно просвещаться и развиваться умственно, но в самом начале все-таки будут склонны подчиняться тем, кого сочтут своими руководителями. Тогда то и нужно будет стараться не допустить, чтобы они учредили над собою правительство. Будучи предоставлены самим себе, они под давлением обстоятельств сами найдут ту систему организации, которая им нужна.

Другие, в опровержение наших доводов, указывают нам на дурные инстинкты человека: как устранить покушения на личность? Как избежать того, чтобы отдельные индивидуумы не захватывали лучших мест и не нарушали таким образом хода коллективного общества? Как препятствовать таким и тому подобным проявлениям, вытекающим из последствий существующего ныне строя?

Конечно, мы не станем утверждать, что сам по себе факт революции превратит людей сразу в ангелов, у которых будет одно только стремление: делать друг другу приятное и жертвовать собою ради других. Пора оставить басни на этот счет и не приписывать нам

того, чего мы не думаем.

Мы думаем, что за весьма редкими исключениями, самые развращенные натуры не делают зла ради зла. Мы утверждаем и докажем, что современное общество своей организацией, основанной на антагонизме интересов, само создает рознь, его разлагающую, и само вынуждает индивидуумов вредить друг другу.

Несмотря на многочисленность побудительных причин для совершения зла, несмотря на выгоды, какие можно бы извлечь, делая его, большинство индивидуумов не поддается влечению ко злу, и только меньшинство подчиняется своим дурным влечениям, да и то чаще всего под влиянием среды, обстоятельств, воспитания, всего, что вытекает из плохой общественной организации.

Следовательно, если причиной преступлений является плохая общественная организация, то вместе с нею должны исчезнуть и преступления. Современное общество, являясь причиной преступлений, преследует только их последствия, и потому воздействие общества только умножает преступления, подобно тому, как перед глазами дровосека, срубающего только ствол дерева, через некоторое время на пне появляются новые ростки и вырастает два, три, пять новых стволов. Мы же стремимся выкопать и сжечь самый корень, чтобы от него ничего больше не произросло.

И если в будущем обществе появятся преступления, то разве только как единичные случаи атавистического характера, требующие со стороны общества пресечения, но из-за которых не придется иметь особого общественного механизма.

Собственность и нищета — вот главные причины преступлений. Повторяем, человек не убивает ради удовольствия убивать. Если пересмотрим все знаменитые уголовные процессы, где убийство вселяет больше всего ужаса и отвращения, мы найдем везде одну и ту же побудительную причину: корысть. Даже убийства из мести, которые могут быть отнесены к категории преступлений аффективных, в большинстве случаев зарождаются на почве столкновения интересов, и если бы можно было анализировать все такие преступления, то разве только немногие оказались бы не подходящими к этой категории.

Воровство, самое частое преступление, иногда наказуемое строже, чем убийство, прямо вытекает из частной собственности и нищеты. Когда не будет нищеты и частной собственности, воровство перестанет иметь *raison d'être*, ибо человек, у которого есть все, что ему нужно, не пойдет воровать.

Мы видим пример на некоторых диких племенах, у которых частная собственность приведена к простейшей её форме: ограничивается хижинкой, где живет семья, и предметами непосредственного обихода, все же остальное находится в свободном распоряжении всех; за исключением случаев, когда отдельные индивидуумы уже сумели захватить в свои руки некоторые функции власти, никогда среди этих племен не бывает, чтобы более сильный субъект захотел выселить обитателей хижины и поселиться в ней сам, или отнял бы у другого его охотничьи и рыболовные принадлежности.

У других племен человек, удалившийся от своей хижины, если почувствует голод, заходит в первую попавшую хижину, садится вместе с другими и берет из котла, не спрашивая разрешения; затем наевшись, уходит не поблагодарив хозяев, и последним не приходится даже в голову считать свои права собственности нарушенными, ибо сами они на месте ушедшего, поступили бы точно так же, для них это вопрос привычки и взаимности услуг и только.

Разве обычаи этих народов не лучше наших, при которых голодный должен или итти унижаться, или красть? Быть может, в описываемом примере замечается отсутствие требуемых учтивостью ребяческих формальностей, но это дело поправимое, во всяком случае нужно этим обычаям оставить их первобытную простоту.

«Прекрасно — скажут нам — но есть еще преступления аффективные; эти не продукт современной социальной организации, а проистекают от дурной природы индивидуумов, их нельзя искоренить путем изменения среды, и вы будете вынуждены принять какие-либо меры против виновных».

Да простят нам наши оппоненты, но и относительно этих преступлений мы утверждаем, что они только результат плохой социальной организации. Мы уже видели раньше, когда говорили о мести, что если все такие преступления раскрыть и анализировать, как делают это с человеческим трупом или химическим составом, то в большинстве случаев окажется, что первопричиной была корысть. Если бы рассмотреть одну за другой все драмы, разыгравшиеся на почве аффектов, то во всех нашлись бы следы плохой социальной организации, следствия рокового закона, или по крайней мере дурного воспитания, т.е., какого-нибудь предрассудка, привитого социальным воспитанием.

Если бы все отдельные индивидуумы были приучены уважать не какой-то закон, о котором они имеют туманное представление, а свободу своих ближних, заслуживающую в той же мере уважения, как их жизнь, то знали бы, что нарушая эту свободу, они рискуют навлечь на себя репрессии. Если бы у них не было надежды на то, что можно избежать возмездия со стороны обиженных, умело прикрываясь текстом закона, то, по всей вероятности, мы не видели бы вокруг себя стольких поруганий, оскорблений и насилий над личностью человека

В преступлениях чисто аффективных, где преступник иногда вызывает даже сочувствие, а современные судьи выносят ему оправдательный вердикт, и там можно отыскать следы рокового влияния современного общества.

Если бы мужчина на основании закона и в силу существующего предрассудка не привык смотреть на женщину, как на низшее существо, вещь, ставшую его собственностью, потому что она согласилась ему отдаться, мы бы наверное реже видели его убивающим предмет своей страсти, когда она отказывается от его «любви»; наверное было бы меньше обманутых мужей, вымещающих злобу на той, кем был нарушен брачный договор, и если бы они не сознавали, что закон на их стороне, то наверное были бы менее жестоки.

А разве адюльтер не продукт бессмысленного закона, вздумавшего регламентировать половые отношения? не результат общественного строя, благодаря которому

экономические соображения вмешиваются там, где должны были бы приниматься в расчет только чувства? того строя, который с одной стороны не допускает соединения двух любящих друг друга людей, а с другой стороны препятствует разводу? Результатами такого рода моральных принуждений, вытекающих из ложно направленного воспитания, являются лицемерие и ложь. Общество порицает мужа и жену, которые разводятся вследствие того, что перестали симпатизировать друг другу, но снисходительно смотрит, когда они, соблюдая внешние приличия, обманывают друг друга, потихоньку, лишь бы не давали повода к лишним разговорам.

Нарекание на наличность вышеописанных явлений — бессмысленны, ибо построенное на лжи, лицемерии и двоедушии общество может порождать только насилие и бесстыдство даже в области отношений, которые, казалось бы, должны были вытекать единственно из индивидуальных наклонностей людей. Стесненная в своих самых интимных стремлениях, вынужденная лгать и обманывать, ради того ли, чтобы соблюдать приличия или ради того, чтобы не создать себе невыносимого существования в умственно ограниченной социальной среде, индивидуальность человека съезживается, атрофируется и развращается и, разве только иногда, будучи выведена из терпения, мстит за себя.

После того, как покушения на жизнь будут искоренены, а покушения на собственность станут невозможными, обществу останется считаться только с мелкой рознью между соседями, ежедневным материалом нынешнего гражданского и уголовного судопроизводства, но ради этого вряд ли нужен будет весь тот репрессивный судебный механизм, которым охраняет себя современное общество. И в этом смысле сыграет роль благотворное влияние социального переустройства, ибо оно изменит взаимные отношения между индивидуумами и смягчит причины розни.

Остаются преступные индивидуумы, преступления которых необъяснимы никакими побудительными мотивами, кроме зверской необузданности и извращения чувств.

Но ведь они — исключение очень редкое, и законы по отношению к ним бессильны, а репрессии не имеют никакого влияния; такие преступления принадлежат к патологии, и юстиции не касаются.

Врач, или анатом, занимающийся наукой ради науки, а не ради почетных отличий, нашел бы в мозгу такого преступника, путем анализа, некоторые изменения, важные с точки зрения научной правды, а не с той точки зрения, с которой современный ученый в угоду обществу становится пособником палача.

Ибо верно то, что такой преступный субъект повинуетя импульсам, независимым от его воли. Общество имеет право защищаться, но ни оно, ни кто бы то ни было другой не имеет права наказывать, или награждать. Прежде чем делать индивидуум ответственным за свои поступки, мстительное общество должно было бы спросить себя, не оно ли само виновато в том, что он преступник; ибо оно вынуждает часть своих членов жить в нищете, невежестве и безнравственности, отказывая им в средствах к развитию, которыми располагает только для изблюбленных, в создавая таким образом для них жизненные условия, низводящие их до уровня их предков времен каменного периода, если верно, что люди того века были так

дики, как о них говорят.

В будущем обществе могут повторяться случаи насилия, и каковы бы ни были побудительные причины, придется защищаться от него. Но жертвам насилия будет предоставлена законная защита против тех, кто будет покушаться на их жизнь или свободу; всякий человек, если он не окончательно не общественный, всегда найдет друзей, готовых за него заступиться; всякий акт произвола возмущает нас, даже тогда, когда, жертва его нам незнакома, и вызывает в нас желание защитить ее. Нужно, чтобы каждый человек имел смелость защищаться именно тогда, когда совершается покушение на него, и чтобы обидчик наказывался бы тут же публично; этого требует здравая мораль, и это доказывало бы, что мы не боимся своих поступков.

Но прятаться за могущественный репрессивный аппарат, направляющий всю совокупность социальных сил против единичного индивидуума, и утверждать, что он несет законную кару за проступок, которого судьи не видели и побудительных причин которого не знают, это — верх трусости. На каком основании общество присваивает себе принадлежащее индивидуальной личности право наказывать, если оно не сумело предупредить преступление? По какому праву оно говорит о защите, если оно не было в состоянии материально обеспечить эту защиту? Насколько нам понятно лишение жизни врага, от которого мы вынуждены защищаться, настолько нам кажется отвратительным убийство, совершенное при театральной обстановке, хладнокровно, без боязни каких либо репрессий, декретированное, и методично исполненное над безоружным беспомощным человеком, якобы, ради того, чтобы научить его уважать жизнь своих ближних. Пусть, в таком случае, сам судья приводит в исполнение приговор!

Наказание преступника никогда не влияло на прекращение преступлений, и вся организация полиции с её бесчисленным персоналом никогда не предупреждала ни одного акта насилия. Преступления умножаются под влиянием событий и нищеты, и акты насилия прекратятся, если общество обеспечит существование каждого, водворит на месте ненависти — любовь.

Конечно, было бы безрассудством думать, что все болезненные аномалии и порождающие их причины исчезнут внезапно; мы слишком долго от них страдаем, и путем наследственности они слишком глубоко внедрились в наше существо, чтобы не продолжать передаваться еще многим будущим поколениям, но проявления их будут постепенно ослабевать, ибо исчезнут очаги, дающие им силу, и хотя это покажется парадоксальным, но мы утверждаем, что революция в этом смысле будет иметь благотворное влияние.

Замечено, что болезни и эпидемии слабее развиваются среди народонаселения в периоде народных волнений, когда массы наэлектризованы; это объясняется тем, что борьба, движение, энтузиазм, умственное и волевое напряжение, — все это поднимает жизненные силы человека до высокой степени интенсивности, аннулирует болезнотворные элементы внутри его и делает его устойчивым против таких же элементов, действующих извне.

Длинный революционный период, который предстоит пережить человечеству, обострит в каждом индивидууме элементы его жизненности и доведет их до такой степени крайней

напряженности, что этот период сам по себе будет способствовать перерождению человека, ибо поможет устранению тех причин, которые в настоящее время ведут человечество к полному вырождению.

Будущее общество, создав для человека нормальные условия существования, освободит его, если не от всех болезней, ибо нужно считаться с несовершенством нашей натуры, то по крайней мере от тех, которым мы обязаны нашему невежеству и алчности эксплуататоров, и выведет его на путь дальнейшего совершенствования.

Версия #1

██████████ ██████████ создал 8 июля 2025 15:24:20
██████████ ██████████ обновил 8 июля 2025 15:25:40